

ТЕЗАУРУС СОВЕТСКИХ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ 1970-Х ГОДОВ

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2023 г.

Аннотация: в статье исследованы механизмы функционирования наиболее частотных элементов в языковом строе советских инакомыслящих 1970-х годов. Автор отмечает, что «свобода» является ключевым понятием в тезаурусе сообщества, с помощью него происходит идентификация себя и единомышленников, конструируется картина мира. Категории «свой», «чужой», «чуждый», лежащие в основании тезауруса, имеют закреплённую семантику: «чуждый» адресуется советскому государству, «свой» — ценностная система русской и мировой культуры. «Чужой» в значении «другой» закрепляется за западной культурой.

Ключевые слова: инакомыслящие, либеральная советская интеллигенция, тезаурус, «я выбираю свободу», «свободные люди в несвободной стране», «жить так, как будто никакой советской власти не существует», «унести Россию на подошвах сапог».

Abstract: the article explores the mechanisms of functioning of the most frequent elements in the linguistic structure of Soviet dissidents in the 1970s. The author notes that a key concept in the thesaurus of the community is «freedom», as it helps to identify oneself and like-minded people, and construct a picture of the world. The categories «ours», «foreign», and «alien», underlying the thesaurus, have fixed semantics: «alien» is addressed to the Soviet state, and «ours» is the value system of Russian and world culture. «Alien» in the sense of «other» is assigned to Western culture.

Keywords: dissenters, liberal Soviet intelligentsia, thesaurus, «I choose freedom», «free people in a not-free country», «live as if no Soviet power exists», «carry Russia on the soles of boots».

Понятие «тезаурус», первоначально использованное в лингвистике и семиотике, с 1990-х годов прочно вошло в обиход многих гуманитарных дисциплин. В культурологии тезаурус — «полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира» [1, 67]. Очевидно, что социальным субъектом может выступать не только индивид, но и сообщество, осознавшее себя как целостность и единство. Таким образом, в основе тезауруса лежит не только картина мира и способы его объяснения, интерпретации и нарративизации действительности, но и модели самоидентификации, принятые в обществе и закреплённые в речи.

Правила тезаурного метода, по В. А. Лукову, предполагают выявление некоторых целостных фрагментов реальности, в отношении которых проявляется взаимодействие понимания картины мира и интерпретационных схем, применяемых субъектом для проектирования своего жизненного мира под влиянием означенных фрагментов как освоенных, понятных [2, 21].

Первоэлементы тезауруса «свой», «чужой», «чуждый» выступают как культурные разделители, не зависящие от пространственно-временных реалий [3, 178], помогают представителям различных сообществ оценивать действительность и безошибочно распознать единомышленников.

Инакомыслие, или свободомыслие традиционно входило в аксиологию либеральной российской и советской интеллигенции и определяло способы объяснения общественно-политических событий, формировало специфику социальных действий и языковую практику. При этом критическая оценка власти не всегда реализовывалась в открытое социальное противостояние, но непременно фиксировалась в тезаурусе.

Задача данной работы — выявить частотные речевые обороты, использованные в повседневной и профессиональной практике инакомыслящих, с помощью которых производилась не только оценка действительности, но и самоидентификация.

Хронологические рамки — 1970-е годы — объясняются несколькими причинами:

1. Инакомыслие либеральной советской интеллигенции стало общественным явлением, фактом, с которым властям приходилось считаться.

2. Противостояние оппозиционной интеллигенции и власти обрело дополнительные институциональные формы: в 1967 г. создано 5 Управление КГБ,

специализирующееся на борьбе с идеологическими диверсиями, более 40 статей УК РСФСР носило «анти-диссидентский» характер. Оппозиционное движение ответило активным привлечением международной общественности к защите инакомыслящих в СССР, созданием совместных международных комитетов, расширением сети сам- и тамиздата. Крайним вариантом взаимного нетерпения оказывалась эмиграция, вынужденная или добровольная.

3. По мере ожесточения противостояния происходило структурирование радикального варианта инакомыслия — диссидентства, с его последующим размежеванием на течения и направления (националистов, «религиозников», «свободные профсоюзы», художественный андеграунд и проч.) и, вместе с тем, усиливалась герметизация сообщества, что неизбежно фиксировалось в тезаурусе, окончательно сформированном именно в это десятилетие.

Рассмотрим некоторые речевые клише, циркулирующие в сообществе для самохарактеристики и определения поведенческой модели.

«Свободные люди в несвободной стране». Этот оборот стал знаковым для характеристики жизненной позиции инакомыслящих. Мы встречаем его в многочисленных воспоминаниях. Например, А. Амальрика, В. Буковского, П. Вайля и А. Гениса [4] и многих других. Построенный на антитезе государственной несвободы и личной свободы, он отражает бинарность мировосприятия — свойство, оцененное Ю. Лотманом и Б. Успенским как типологическое качество русской культуры [5, 3–36]. Социальные психологи (Г. М. Андреева, А. Я. Анцупов, С. Н. Ениколопов, А. И. Шипилов и другие) [6] объясняют формирование бинарного мировосприятия вовлеченностью людей в конфликт. По мере обострения противоборства стороны занимают все более категоричные и однозначные позиции, что свидетельствует об их непримиримости. Суждения конфликтологов объясняют причину демонстративной бинарности мировосприятия инакомыслящих.

При этом если категория «несвободная страна» имеет очевидный социально-политический смысл, то в понятии «свободные люди» акцент смещен к экзистенциальному толкованию. Декларируется позиция внутренней свободы, то есть независимость от идеологического диктата, манипулятивных практик государства, бескомпромиссность, отказ подчиняться советским моделям поведения и правилам советского общежития.

Необходимость построить альтернативные варианты жизненных сценариев зафиксирована в постулате «Жить так, как будто никакой советской власти не существует». Тезис, многократно растиражированный применительно к деятелям культуры. Например, Г. Морев [7] применяет эту формулу к Бродскому, указывая, что именно эта внеполитическая позиция привела его к эмиграции, В. Буков-

ский — в отношении писателя В. Тарсиса: «... жил совершенно так, как будто никакой советской власти не существует» [8, 227]. Вариант предложила Р. Орлова: «По-настоящему свободен тот, кто может жить так, будто никакого КГБ не существует» [9, 216]. Это ситуативное уточнение вызвано сюжетом о роли КГБ в репрессиях в адрес неконформистов.

Как реализовать эту максимум? Вариант автономного от власти существования каждый искал сам. Буковский описывает поведение оппозиционного писателя так: «Тарсис давал интервью, пресс-конференции, почти открыто отправлял за границу новые рукописи, даже машину себе купил — на зависть всему писательскому дому, в котором продолжал жить».

И валом валил к нему народ, в особенности же корреспонденты и иностранные туристы, — посмотреть на восьмое чудо света. Буквально все, затаив дыхание, ждали: когда же этого Тарсиса арестуют, задавят машиной или распнут на кресте...» [8, 227]. Демонстративный вариант оппозиционности, так восхищавший Буковского, имел провокационную цель и принес Тарсису желаемый результат: в 1966 г он был выслан из СССР. Скандальная репутация обеспечила гонимому литератору на Западе теплый прием, но не литературный успех: из 12-томного собрания сочинений, написанного за рубежом, опубликовать удалось лишь 4 романа. Показательно, что, провозглашая духовную свободу от марксистской идеологии, демонстративно нарушая правила поведения советского литератора, Тарсис оставался идеологическим субъектом: в общественном поведении и творчестве использовал риторические приемы советского дискурса. Декларация антисоветскости скрывала советскую идентичность, смоделированную по революционным поведенческим образцам, но с иной модальностью.

Либеральная интеллигенция знала и другой вариант альтернативного поведения по отношению к советской модели: ее давала опора на ценности классической русской и европейской культуры. Ф. Вигдорова в «деле Бродского» ориентировалась на общественное поведение В. Короленко в «деле Бейлиса», И. Бродский, утверждая приоритет поэзии над политикой, — на пушкинскую модель взаимодействия поэта с властью. Примеры можно множить. И если в начале 1960-х гг. «русское» и «советское» сопрягались как взаимодополняющие друг друга понятия, то в 1970-е гг. противопоставлялись в бинарной оппозиции. «Русское» — культурное наследие до-революционного прошлого, этически и эстетически значимое, основанное на универсальных, непреходящих ценностях гуманизма и антропоцентризма. Это подлинное, глубинное основание сознания и самооценки личности, задающее ценностные ориентиры. «Советское» — идеологизированное, антигуманное, деформирующее свободлюбивую человеческую

сущность, исторически бесперспективное. Эта антитеза интенсивно эксплуатировалась в тезаурусе инакомыслящих вне зависимости от идеологических ориентаций авторов.

Отчуждение от государства логично приводило в такому способу разрешения внутреннего конфликта, как эмиграция.

Тема эмиграции представлена в тезаурусе инакомыслящих несколькими формулами: «Я выбираю свободу» и «Унести Россию с собой».

Характерно, что изначально тезис «Я выбираю свободу» не имел связи с темой эмиграции. Так называлось стихотворение А. Галича 1970 г.

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки!

Политическая несвобода человека в тоталитарном государстве не может ограничить его духовных порывов. Свобода осмыслена как высшая нравственная ценность личности, неподвластная режиму. Пространство духовной свободы не определяется географией. Более того, эмиграция как возможное освобождение отторгается лирическим героем как капитуляция:

<...> Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И всё меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!
Я выбираю Свободу –
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.
<...>

Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.
Я выбираю Свободу,
Я пью с ней нынче на «ты».
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты [10].

Государство, в нравственном отношении «чуждое», враждебное свободолюбивой личности, одновременно осмыслено и как «свое». Трагическая история страны, единство общенародной судьбы — вот константы самосознания лирического героя.

Вполне вероятно, что и Галич использовал цитату, произнося фразу, ставшую своеобразным паролем, по которому инакомыслящие узнавали друг друга. Возможно, первоисточником для поэта послужили слова Эриха Фромма: «Я верю в свободу, в право человека быть самим собой, отстаивать себя и давать отпор всем тем, кто пытается помешать ему быть собой» [11]. Во всяком случае, Галич развивал в поэтическом тексте схожие идеи, разворачивая их в сюжете.

Однако в массовом сознании инакомыслящих исходный тезис был переосмыслен: воображаемая личная свобода получила конкретную прописку на Западе.

Троп «Я выбрал свободу» неоднократно иронично обыгрывал С. Довлатов. Персонажи его эмигрантской прозы используют для самоидентификации цитату Галича (Усыпкин «Соло на IBM», Головкер «Встретились, поговорили»). Сформированное на родине в сознании инакомыслящих представление о Западе как о пространстве свободы определяло толкование ими зарубежной культуры как потенциально «своей», в желаемой перспективе. С. Довлатов считал транснациональную идентичность иллюзией эмигранта и неоднократно иронизировал по этому поводу: «Мы говорили, уезжая: «Я выбрал свободу». При этом наши глаза взволнованно блестели. Ибо свободу мы понимали как абсолютное и неоспоримое благо. Как нечто обратное тоталитарной зоне» [12, 135]. Ирония Довлатова выступает социальным инструментом самоидентификации. Звучащая в словах прозаика, она используется для дистанцирования от «чужой» западной культуры, так и не ставшей «своей», и констатации собственной глубинной принадлежности русско-советскому типу культуры, где два исходных начала не противостоят, а дополняют друг друга. По справедливому замечанию О. Матич, ирония «означала невысказанную, неосознанную даже ностальгию по утраченному культурному контексту» [13]. Показательно, что для газеты, издаваемой в Нью-Йорке совместно с Е. Рубиным, А. Орловым, П. Вайлем и А. Генисом, главным редактором С. Довлатовым было одобрено название, предложенное Б. Меттером, «Новый американец» (1980–1985 гг.). Однако эта самоидентификация оставалась для эмигранта декларацией цели жизненного сценария, программой действий, а не констатацией свершившегося факта. «Не бывать тебе американцем. И не уйти от своего прошлого. Это кажется, что тебя окружают небоскребы... Тебя окружает прошлое» [12, 163], — утверждал Довлатов.

«Унести Россию». По воспоминаниям современников, незадолго до эмиграции В. Максимов провозгласил: «Эту страну надо уносить с собой на подошвах сапог» [14, 501].

С этой фразой перекликается название книги Р. Гуля «Я унес Россию». Опубликовано в Нью-Йорке в 1981–1989 гг.

Известно, что Гуль, будучи редактором «Нового журнала» в Нью-Йорке с 1959 по 1986 гг., внимательно следил за публикациями в советской прессе, помещал в журнале собственные рецензии и обзоры новинок и, несмотря на общее настороженное отношение эмигрантов первой волны к представителям третьей, поддерживал с Максимовым дружескую переписку после его эмиграции в 1974 г., прочил его на пост редактора «Нового журнала» после своей от-

ставки [15]. Редакторство Максимова в «Континенте» (название журнала подразумевает наднациональную идентичность), выходявшем во Франкфурте-на-Майне, не останавливало намерений Гуля, что подтверждает транснационализм литературной эмиграции, к 1970-м годам осознанной писателем первой волны как данность.

У литераторов были основания для взаимного уважения и внимания: религиозный идеализм, антитоталитаризм, демократизм и беспартийность — издательские принципы «Континента» — были созвучны «Новому журналу».

Хронологически Максимов опередил Гуля в использовании метафоры: он выезжает из СССР в 1974 г., Гуль опубликовал воспоминания в Нью-Йорке в 1981–1989 гг. Однако при очевидном совпадении тропа не стоит говорить о цитировании. Оба литератора ориентировались на один первоисточник: 30 марта 1794 года в революционном Париже был арестован и предан суду трибунала Дантон. Незадолго до ареста друзья предложили ему бежать из Франции и получили ответ: «Возможно ли унести родину на подошвах своих сапог?» Вопрос риторический. Позиция Дантона семантически близка тургеневской формуле: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» [16, 305]. Для Дантона, как и для Тургенева, эмиграция — это полный разрыв с отечеством, обрекающий человека на вечное скитание, превращающий его в изгоя. Такое толкование эмиграции освящено литературной традицией:

«На тяжкое изгнание осужденный,
Узнаешь ты, озлоблен и уныл,
Как горек хлеб, чужими поднесенный,
Как путь тяжел по лестницам чужим» [17].
(Данте А. Божественная комедия).

Таким образом, в качестве «своей» эмигранты указывали европейскую и русскую культуру, диалогично освоенную и присвоенную.

Первая волна эмиграции говорила: «Где мы, там и Россия». Вековая литературная традиция подверглась корректировке Р. Гулем: «Какой-то большой якобинец (кажется, Дантон) (как видим, автор прямо указывает источник, чего не делал Максимов. — Е. С.), будучи у власти, сказал о французских эмигрантах: «Родину нельзя унести на подошвах сапог». Это было сказано верно. Но только о тех, у кого кроме подошв ничего нет. Многие французские эмигранты — Шатобриан, герцог Энгиенский, Ришелье и другие, у кого была память сердца и души, сумели унести Францию. И я унес Россию» [18, 6].

Унести Россию — значит сохранить ее в себе, благодаря «памяти сердца и души». Эта позиция рождала ощущение миссии русской эмиграции, заключающейся в сохранении подлинной русской культуры и передаче ее будущим поколениям, освободившимся от большевизма. Тезис «Мы не в изгнании, мы —

в послании» [19, 230] предполагал для эмигрантов интенсивную духовную работу во имя будущего прогресса родины. Задача консервативная сочеталась с культуртрегерской. Эмиграция первой волны, как известно, имела свои устойчивые тропы, один из которых — «сидеть на чемоданах» — обозначал дистанцию от принимающей стороны, маркируя ее как навсегда и неизбежно «чужую», иногда «чуждую».

У Максимова фраза имеет дополнительные коннотации. Вместо «Россия» — «эта страна», как знак собственной западной ориентации и внутренней дистанции от родины. В картине мира эмигранта третьей волны космополитизм органичен, самоидентификация производится в иной системе координат: принадлежность мировой культуре ценится выше региональной.

Максимов более точно цитирует первоисточник, но, как и Гуль, провозглашает духовную связь эмигранта с родиной и за ее пределами. С другой стороны, финал «на подошвах сапог» корректирует исходный тезис: эмигрант уносит с собой родину произвольно, хочет того или нет. Рождение определяет принадлежность России, и от этого никуда не деться.

«Надо уносить с собой» — формулировка задачи в духе предшественников: унести истинную, почвенную культуру, а значит, все же русскую, но не советскую. Так в картине мира и тезаурусе эмигранта понятие «свой» получает ретроспективное наполнение — это русская, дореволюционная культура. А современная, советская маркируется как «чуждая». Позиция I и III эмиграции оказываются глубинно родственными.

Показательно, что литературная эмиграция III волны, в целом разделяя мировоззренческие принципы инакомыслящих, включая диссидентов, не скупилась на иронию в их адрес. У Довлатова в «Иностранке» встречаем знакомый речевой оборот:

«В Союзе Зарецкий был известен популярными монографиями о деятелях культуры. Параллельно в самиздате циркулировали его анонимные исследования. В частности — объемистая неоконченная книга «Секс при тоталитаризме». <...> Вскоре карательные органы идентифицировали Зарецкого. Ему пришлось уехать.

<...> За минуту до посадки он решительно направился к газону. Хотел увезти на чужбину горсточку русской земли.

Милиционеры прогнали его с газона. Тогда Зарецкий воскликнул:

— Я уношу Россию на подошвах сапог!...» [20, 187].

Как видим, комический эффект достигается за счет буквального прочтения метафоры автором, а объектом иронии является нарочитая театральность поведения героя, лишенная глубины и драматизма.

Использование Довлатовым речевых клише, циркулировавших в повседневном обиходе эмигранта,

закономерно. Чуткий к стихии разговорной речи, писатель не только фиксировал типовые обороты, но и вскрывал герметизм сознания, шаблонность мысли и одномерность способов объяснения мира диаспоры.

«Интеллектуальные транквилизаторы» — такое определение подобрал наиболее ходовым оборотам в тезаурусе инакомыслящих Г. Померанц [21, 292]. Это точное наблюдение выявляет компенсаторную функцию, возможно, не всегда осознаваемую говорящими. На родине формулы «свободные люди в несвободной стране» и «жить так, будто никакой советской власти не существует» позволяли артикулировать чувство морального превосходства жертвы перед врагом, скрыть ощущение собственной уязвимости. В эмиграции декларации «я выбрал свободу» и «унес Россию с собой» скрывали ностальгию и неукорененность в иной культуре, при которых транскультурность, или двукультурность оставалась жизненной программой, не достигнутой, но желанной.

Итак, анализ некоторых частотных элементов тезауруса инакомыслящих позволяет сделать следующие выводы. Картина мира и самоидентификация членов сообщества базируется на нескольких позициях, зафиксированных в речевом строе:

1. Понятие «свобода» является ключевым в словаре инакомыслящих. Ее толкование многообразно — от социально-политического до морально-нравственного прочтения. Свобода личности выступает главным критерием оценки политической значимости, жизнеспособности и моральной наполненности всякой государственной модели и основным ориентиром в системе координат «свой», «чужой», «чуждый»;

2. Советская культура, подавляющая свободу личности, маркируется как «чуждая», русская и европейская, основанные на ценностях антропоцентризма и гуманизма, — как «своя». Языковой строй инакомыслящих насыщен цитатами из классической литературы. Погруженность в классику выявляет аксиологические приоритеты и задает вневременные ценностные координаты, с опорой на которые производится оценка действительности и себя.

3. Эмиграция осмысливается как возможность примериться к «чужой» культуре как к «своей» и идентифицировать себя гражданином мира. Однако восприятие эмигрантской жизни в терминах обретения, а не утраты не было универсальным. Наряду с декларацией транскультурности проговаривались невосполнимость утраты родины, эмигрантское сиротство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луков Вал. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. — М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. — 784 с.

2. Луков Вал. А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 1. — С. 18–34.

3. Луков В. А. Применимость тезаурусного подхода в философии и социологии культуры, культурологии и других социальных и гуманитарных науках / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 2. — С. 175–182.

4. Амальрик А. А. Записки диссидента / А. А. Амальрик. — Анн Арбор: Ардис, 1982. — 361 с.; Вайль П. Л., Геннис А. А. 60-е. Мир советского человека / П. Л. Вайль, А. А. Геннис. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 368 с.

5. Лотман Ю. Д. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) Ю. Д. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по русской и славянской филологии. — Тарту, 1977. — Т. 28. — С. 3–36.

6. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999 375 с.; Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 591 с.

7. Морев Г. Как выезжал в США Иосиф Бродский / Г. Морев. — Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/3348291/?ysclid=llkrz5hpir449099599> (дата обращения 20. 08. 2023).

8. Буковский В. К. И возвращается ветер... / В. К. Буковский. — СПб.: Захаров, 2007. — 339 с.

9. Орлова Р. Д. Мы жили в Москве: 1956–1980 / Р. Д. Орлова, Л. З. Копелев. — М.: Книга, 1990. — 447 с.

10. Галич А. Я выбираю свободу. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/3533/ya-vybirayu-svobodu?ysclid=llj8phvo88308912507> (дата обращения 20. 08. 2023)

11. Фромм Э. По ту сторону поработавших нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом / Э. Фромм. — Режим доступа: <https://citaty.info/book/erih-fromm/po-tu-storonu-poraboshayushih-nas-illyuzii-kak-ya-stolknulsya-s-marksom-i-freedom> (дата обращения 20. 08. 2023)

12. Довлатов С. Ремесло / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений: в 4 т. / С. Д. Довлатов. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — Т. 3. — С. 7–178.

13. Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык / О. Матич // Новое литературное обозрение, 2014. — № 3. — Режим доступа: giya-yazyk.html?ysclid=llj5ehr24v131103989 (дата обращения 20. 08. 2023)

14. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. / А. Д. Сахаров // Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Е. Г. Боннэр. — Москва: Время, 2006. — Т. 3. — 895 с.

15. Скарлыгина Е. Ю. Роман Гуль и третья русская эмиграция / Е. Ю. Скарлыгина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — № 2, 2013. — С. 81–90.

16. Тургенев И. С. Рудин / Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука, 1980. — Т. 5. — 543 с.

17. Данте А. Божественная комедия / А. Данте. Божественная комедия. — М.: ЭКСМО, 2016. — 496 с.

18. Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3 т. / Р. Б. Гуль. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. Т. 1: Россия в Германии. — 554 с.

19. Берберова Н. Лирическая поэма / Н. Берберова // Современные записки. — 1927. — № 30.

20. Довлатов С. Д. Иностранка / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений: в 4 т. / С. Д. Довлатов. — СПб.: Азбука-

классика, 2003. — Т. 3. — С. 179–285.

21. Померанц Г. С. Записки гадкого утёнка / Г. С. Померанц. — М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. — 464 с.

*Воронежский государственный университет
Серебрякова Е. Г., доктор культурологии, доцент кафе-
дры истории философии и культуры
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

*Voronezh State university
Serebryakova E. G., is the Doctor of Cultural Studies, Associate
Professor of the Department of History of Philosophy and Culture
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*